

Первый концерт Чайковского.

Как я ненавижу серые, вонючие стены этой мерзкой лечебницы. Мне кажется, что я здесь уже целую вечность. В этом мрачном заточении из молодой и привлекательной женщины я превратилась в настоящую старуху. Я не могу отсюда никому позвонить, мне не дают ни бумаги, ни ручки. Они боятся меня, боятся как свидетеля. Своими проклятыми снадобьями они пытаются вытравить мои воспоминания об Александро. Я готова забыть все, абсолютно все, что связано с моим прошлым, но только не его, не те короткие как сон и бесконечно огромные как океан пять дней, что мы были вместе. Силы жить дает мне лишь память о тех прекрасных мгновениях, которые я провела на его Розовой планете. Вот почему я записываю все это на магнитофон. Мне с большим трудом удалось уговорить, чтобы мужу позволили принести мне этот маленький сундучок на батарейках и несколько кассет с записями классической музыки. На одной из них я и пишу, да простит меня Чайковский за то, что я уничтожаю его «Первый концерт». У них не получится заставить меня забыть, и если мой разум вдруг начнет угасать, я буду снова и снова тайком слушать эту запись и бесконечно освежать свои воспоминания. Интуиция подсказывает мне, что живую меня отсюда вряд ли выпустят. Впрочем, хватит жаловаться, я заслужила эту тюрьму! Ведь это же я, я своей собственной рукой поднесла ему яд! А он? Он смотрел мне прямо в глаза и, как всегда, безмятежно улыбался. «Мерзавец! Лицемер! Ненавижу!» — хлопотало в мозгу, а сердце, вырываясь наружу, кричало: «Обожаю!!!» Что? Что тогда заставило меня сделать это?! Ревность? Гордость? Ущемленное самолюбие?...

Он смотрел на меня глазами ребенка:

— Ты, действительно, хочешь, чтобы я выпил это? — он говорил с улыбкой, с очаровательной улыбкой, но я видела, я чувствовала, что он обо всем догадался. Но как?! Откуда он мог знать, что вино отравлено? Откуда?! — Яд на меня не подействует.

Его слова полоснули сердце словно бритва.

— Какой яд?! О чем ты?! — как это, наверное, фальшиво тогда прозвучало.

— Тот, который ты положила в вино. Смотри... — и он, лукаво глядя на меня, начал с наслаждением пить.

— Не смей! — я бросилась, чтобы вырвать у него бокал, но он отстранил меня и двумя мощными глотками осушил его до дна.

Мы познакомились в июле шестьдесят четвертого в небольшом летнем кафе на Манхеттене. Я с каким-то мазохистским удовольствием наблюдала, как в чашку кофе капали мои собственные слезинки. Это было очень красиво. На самом деле я любовалась собой. А как иначе? Верная жена грустила о любимом муже, ненадолго уехавшем в деловую командировку. Я упивалась своей грустью, я просто пьянела от нее словно от дорогого французского вина. Я любила мужа, да, я действительно его любила! Если бы тогда кто-то осмелился мне сказать что это не так, то я бы, наверное, запустила в обидчика моей чашкой кофе, разбавленного слезами печали от внезапной разлуки. Я так увлеклась своими мыслями, что мне на самом деле захотелось это сделать: «Ну, кто тут посмеет усомниться в моей искренности?! Где этот герой?!» Я стала озираться по сторонам, и герой появился. Молодой мужчина, скорее даже парень, в белой футболке с

закатанными почти до подмышек рукавами сидел совсем неподалеку за соседним столиком и, как мне тогда показалось, с усмешкой наблюдал за мной. «Негодяй!» — метнула я в него молниеносный взгляд. Незнакомец несколько не смутился и продолжал, улыбаясь, есть свое мороженое. Он меня явно раздражал. И все же, чтобы быть объективной, внутри я отметила, что улыбка парня притягательна, и многие женщины даже назвали бы ее обворожительной. Многие, только не я! «Самовлюбленный пижон, закатал рукавчики, чтобы ручки свои красивые на показ выставить» — послала я ему взглядом воздушную телеграмму. О боже! Похоже, он прочитал ее, потому что реакция последовала незамедлительно. Незнакомец встал и медленным уверенным шагом направился в мою сторону. У меня похолодело внизу живота. Вот он уже оперся о мой столик и слегка склонился ко мне.

— А хотите, я вас поцелую? — он произнес эти слова с такой обыденностью и простотой, словно предлагал помочь немощной старушке перейти проезжую дорогу.

— Вот уже полчаса только об этом и мечтаю, — постаралась ответить я как можно более саркастично, но сарказма не получилось.

Да, да! Я хотела, очень хотела, чтобы эти резные губы поцеловали меня, поцеловали крепко, до боли, томной дурманящей боли, которая бы, спускаясь вниз, обжигала сладкой истомой все тело. Я вдруг поняла, что желала этого с самого начала, как только увидела его. Видно и вправду говорят, что если очень чего-то захотеть, то это обязательно сбудется... Я без стеснения смотрела в его глаза и не могла отвести взгляда. Два мощнейших излучателя словно гипнотизировали меня, они просто обездвигивали тело и заставляли его тонуть в волшебных потоках теплого света. И я бы, наверное, утонула, если бы не держалась на поверхности, ухватившись за его плечо и впившись губами в его губы. Я держала их в своих губах, как держит ребенок любимое лакомство, наслаждаясь им и заранее сожалея, что оно вскоре должно закончиться. В тот момент мне вдруг стало понятно, что значит мироточить. Раньше я любила с деловым видом знатока говорить подругам, что от настоящего мужчины должен исходить легкий запах парфюма, хорошего табака и дорогого коньяка. Как же я заблуждалась! Самый лучший запах, который я когда-либо ощущала, исходил от Александро. Обжигающий аромат букета степных ветров, восточных сладостей и каких-то экзотических цветов, такой пьянящий и свежий, что слова просто не в состоянии передать его дурмана. Наверное, о нем могла бы рассказать музыка, самая прекрасная музыка на свете. Да, да, я слышала ее, она звучала, эта волшебная музыка, заставляя вибрировать тело теплой волной и все глубже и глубже погружаться в волшебную бездну самого настоящего блаженства. Боже, в тридцать четыре года с парнем на семь лет меня моложе... Да я даже в мыслях не могла себе представить такую ситуацию! Из кафе нам пришлось просто сбежать под неистовым напором взглядов негодующей публики.

О любви мужчины и женщины написано столько, что аналог своей собственной истории каждый без труда сможет отыскать в какой-нибудь общеизвестной книге или даже увидеть на экране. Но с Александро все было по-другому. Он был особенный. Он был какой-то переполненный любовью. Порой казалось, что он любит все на свете, создавалось впечатление, будто кроме любви ему совершенно нечем заниматься. Он любил есть, любил спать, любил просыпаться, даже бриться и чистить зубы он любил,

причем делал это с каким-то чарующим и искренним удовольствием. Он любил мыть посуду, любил мою кошку, любил выпускать на волю залетевшую в окно ночную бабочку... Я не смела его ревновать, потому что и видела, и чувствовала, как сильно он любит меня. Мне страшно нравилось, что он вел себя покровительственно по отношению ко мне. Этот двадцатисемилетний мальчик называл меня мышонком и мне это нравилось! Рядом с ним я чувствовала себя спокойно и уверенно, я ощущала себя настоящей женщиной и была просто счастлива. Он был совершенно не такой как все, и я в его присутствии становилась другой, гораздо лучше, чем была на самом деле.

— Сознайся, сознайся, что ты инопланетянин, — полушутя приставала я к нему. — Ну, нет вокруг никого подобного тебе, такие здесь просто не произрастают.

В ответ Александро улыбался и говорил, что, наверное, я плохо искала. Но однажды он все-таки проболтался. Я спросила:

— Откуда у тебя деньги, если ты говоришь, что нигде не работаешь?

Он ответил, что продал очень хорошую симфонию одному известному композитору.

— Почему ты мне не рассказывал, что пишешь музыку? — воскликнула я с удивлением.

— Это не моя симфония, — ответил он немного смущенно.

— Тогда какое ты имел право ее продавать? — поинтересовалась я.

— Эта музыка ничья, вернее здесь ничья, она с моей планеты, — произнес он. Я решила ухватиться за эту ниточку:

— Как интересно, расскажи мне, пожалуйста, подробнее. Я ведь всегда чувствовала, что ты пришелец.

И Александро начал свой удивительный рассказ. Я ему, конечно, не верила, но и не перебивала. Он так красиво все описывал, что мне тоже захотелось поиграть в его игру.

— Возьми меня на свою планету, — попросила я.

— Это, к сожалению, невозможно, — ответил он с легкой грустью.

— Тогда давай создадим ее кусочек на этом месте, вот прямо сейчас, — это предложение, видимо, ему понравилось. Вместо ответа он сел за рояль и начал играть.

У меня очень приличное музыкальное образование, но я никогда раньше не слышала этих прекрасных мелодий, вдобавок ко всему он отлично владел инструментом.

— Это все с твоей планеты?! — с удивлением воскликнула я, когда он закончил.

— Да, — ответил он, разминая пальцы.

— Тогда ты можешь всю жизнь не работать, продавая ноты. Ведь это же настоящие шедевры! — мой восторг был совершенно искренним.

— Могу, но мне этого не хочется, — произнес он с присущей ему улыбкой.

— И дорого ты продал этому композитору свою симфонию? — лукаво спросила я.

— Очень дорого, — прозвучал его совершенно бесхитростный ответ. — Он же жулик, так пусть раскошеляется, все равно потом заработает на ней намного больше.

— А у вас на планете хорошие композиторы тоже богаты? — поинтересовалась я.

— У нас на планете нет денег, — ответил он совершенно серьезно.

— Как нет? — удивилась я.

— А для чего они нужны? — усмехнулся Александро. Я была немного шокирована таким поворотом:

— Деньги это регулятор экономических отношений, без инвестиций и кредитования невозможно построить ни одного нормального предприятия, — вспомнила я умную фразу из разговоров мужа с его компаньонами.

— Почему? — снова усмехнулся он. Если честно, я сама не очень понимала почему, но сдаваться мне совсем не хотелось.

— Да потому, что без денег просто невозможно: остановится прогресс, наступит хаос и деградация, да без них вообще никто не станет работать!

— Почему? — его спокойный тон еще больше раззадорил меня, и я решила атаковать:

— Как почему?! Да потому что люди трудятся, чтобы зарабатывать деньги, много денег!

— И даже добились сокращения рабочего дня, чтобы для этого можно было работать на двух работах, — в его словах явно звучал добродушный сарказм.

— Да, если в этом есть необходимость, то случается и такое, — парировала я.

— И ты думаешь, что люди не променяют восьмичасовой рабочий день на двухчасовой, если при этом будут иметь во много раз больше? Они что, по-твоему, так глупы? — искренне удивился он.

— Больше-то откуда возьмется, если работать по два часа?! — не унималась я. — Уж прости, но в данном случае, видит бог, что ты не прав.

— Видит бог... — повторил Александро с усмешкой. — Ничего ваш бог не видит. Богом надо делать любовь, а вы сотворили его из денег.

Голос его звучал уверенно и твердо:

— Вы создали себе кумира, который превратился во властного хозяина, и основная ваша деятельность направлена на обслуживание этого монстра. Только задумайся чем занимаются ваши банкиры, кассиры, бухгалтеры, биржевики, финансовые и налоговые инспекторы, да всех не перечесать... Ведь все эти люди ничего не создают, не приносят никакой реальной пользы, они лишь заняты перекалыванием наличных и безналичных из рук в руки, из одного кармана в другой или отслеживают этот процесс. И при этом они почему-то живут намного богаче других.

Здесь с ним трудно было не согласиться, а он все с тем же энтузиазмом продолжал наседать:

— Ты когда-нибудь задумывалась, сколько пользы могли бы принести здоровые, крепкие парни, которые бездельничают в полиции или армии?

— Стоп, стоп, что значит бездельничают? Они борются с преступниками, охраняют наш покой, — возразила я, однако почувствовала, что в моем голосе начала пропадать уверенность, а он продолжал:

— Не будет денег, не будет и преступности, ну или почти не будет, и воевать тоже будет не с кем, да и не за что.

— А кто же будет охранять границы? — уже совсем робко поинтересовалась я.

— Границ тоже не понадобятся — ответил он с добродушной и немного снисходительной улыбкой.

Я не знала, что ему возразить. Я просто расслабилась и стала с упоением слушать сказку о его прекрасной планете, где счастливые люди работают полтора часа в день и при этом

все живут в шикарных домах, напоминающих небольшие дворцы, и имеют все необходимое, ни в чем, не испытывая нужды.

***

Однажды он обнаружил в доме пустую комнату.

— Это будущая детская, — пояснила я.

— Ты хочешь иметь детей?! — с восторгом воскликнул Александро.

— Да мне уже, наверное, пора об этом задуматься, — сказала я, с любопытством ожидая его реакцию.

— Это просто здорово! — ответил он, глядя на меня сияющими глазами. — А хочешь, я ее распишу? Ведь я неплохой художник.

Боже, как же я была счастлива в те минуты! Мы купили все необходимое, и он приступил к работе. Вскоре на стене появились наброски какого-то пейзажа.

— Наверное, это будет любимое место на твоей планете? — предположила я.

— Нет, это будет портрет моей мамы, я ведь художник-портретист, — обернувшись, ответил он, и, поймав мой недоуменный взгляд, пояснил: — Я изображаю людей изнутри.

— Должно быть это очень интересно, — ответила я, стараясь скрыть свое удивление.

— А ты не мог бы изобразить изнутри себя, ведь ты еще только начал?

— Ты хочешь, чтобы я написал свой автопортрет? — весело подмигнул он мне.

— Ну да, мне было бы очень любопытно узнать, что там у тебя внутри. Только пиши честно, ничего не скрывая, — шутя, пригрозила я ему.

— Ну, будь по-твоему, — согласился он, с азартом потирая руки.

Александро работал увлеченно и с каким-то неподдельным удовольствием, впрочем, он все делал именно так. Буквально на моих глазах, на стенах детской выросли сказочные деревья, на ветвях которых рассаживались экзотические птицы, яркими красками расцветали волшебные цветы. Все было залито искрящимся золотистым светом. Я удивленно спросила, почему у него на небе два солнца? Александро ответил, что если одно вдруг закроет туча, то второе будет светить с удвоенной силой. Он объяснил, что это необходимо, потому что его деревья, птицы и цветы не могут жить без яркого света и тепла, да и другим людям тоже не хочется иметь дело с человеком внутри которого сумрачно. Справился он с работой довольно быстро, и в живописи, и в музыке он был подлинным виртуозом. Автопортрет получился просто великолепным, это на самом деле был его внутренний мир: яркий, светлый и благоухающий.

— Ты, наверное, был самым лучшим и самым красивым на своей планете, — сказала я, любуясь его творением.

— Ты ошибаешься, я был самым обыкновенным, — ответил он, улыбаясь.

— Такой необыкновенный, — почти пропела я, обхватив его за плечи. — Был самым обыкновенным? Не верю!

— И напрасно, — голос его звучал очень искренне и убедительно. — Все дело в том, что у нас на планете, как бы это правильно выразиться, выгодно быть хорошим.

По моему лицу он, видимо, догадался, что я не очень поняла, поэтому продолжил:

— Ну, попробуй представить, что у всех все есть, а отличаться все же иногда хочется, — сказал он с немного хитроватой улыбкой. — Предположим, ты решил завоевать сердце

прекрасной дамы. Чем тебе выделиться среди претендентов, чтобы привлечь к себе ее внимание?

— Даже не знаю..., — ответила я немного растерянно. — Красотой, наверное.

— Вот видишь, сама догадалась, — довольно произнес он. — Это единственное средство, причем, прежде всего внутренней красотой, потому, что именно она рисует красоту внешнюю. Кстати, у нас на планете люди с правильными чертами лица, ну, как у меня, например, особого интереса не вызывают.

— Почему?! — воскликнула я удивленно.

— Да потому что таких много: ширпотреб одним словом, — и весело продолжил: — Ты только представь, как необычно и привлекательно должно выглядеть нестандартное лицо: ушастого или носастого, да вообще какого-нибудь уродца, имеющего огромное внутреннее обаяние. Ведь он без сомнения будет по-настоящему красив, да еще, к тому же, так индивидуален. У нас это очень ценится. Так что я на моей планете – самый обычный середнячок.

— Я бы все равно выбрала тебя, — ласково прошептала я ему в ухо.

— Любовь зла, полюбишь и меня, а если серьезно, спасибо, мне очень приятно, честное слово, — сказав это, он прижал меня к себе и нежно поцеловал. Я видела его глаза, они не лгали: «Он любит! Любит меня!» Это был самый настоящий миг блаженства, не поддающийся никакому описанию.

***

Я просто не знала, как сообщить ему о возвращении мужа, но сделать это было надо. Я была практически убеждена, что такое известие сразит его наповал, и, если быть искренней, то мне бы очень хотелось увидеть это. «Конечно, именно так и будет», — рассуждала я: «Ведь он любит меня, и в этом нет никакого сомнения, любит страстно и безумно, как и я его». Мне очень хотелось увидеть, как с его лица сойдет уверенность и благодушное спокойствие, хотелось увидеть отчаянье и страх в его глазах, услышать мольбу не оставлять его... Иногда мне казалось, что я уже почти готова бросить мужа и бежать с ним хоть на край света, но перед этим мне хотелось еще раз увидеть, почувствовать и насладиться тем, насколько я ему дорога. Да, я решила поставить этакий мини спектакль, в котором я была одновременно и режиссером, и зрителем. Я сообщила Александро что замужем, что завтра возвращается муж, что я не в состоянии и гражданский долг мне не позволяет разрушить брак и изменить торжественному обещанию, произнесенному перед лицом Господа. Но я ошиблась, спектакля не получилось, вернее эффект оказался вовсе не таким, как я это себе представляла. На его лице не отразилось даже тени сожаления или разочарования. Все та же беззаботная улыбка, разве что слегка удивленная.

— Значит за тобой есть кому присмотреть? Тебе пока нельзя без присмотра, ты еще слабенькая, — произнес он почти шутливо.

Что-то оборвалось у меня внутри, в грудь ударила леденящая волна негодования, обиды и горечи.

— Не беспокойтесь, доктор, вы отдаете меня в надежные руки, и, надеюсь, вы тоже один не останетесь, — произнесла я, стараясь не терять самообладания. Где-то в подсознании я еще рассчитывала, что все пойдет по первоначально задуманному

сценарию. Вот он сейчас бросится целовать колени и просить, просить, умолять! Но его ответ буквально растоптал меня:

— Свободному мужчине трудно остаться одному, когда на планете проживает три с половиной миллиарда женщин, — он произнес это таким тоном, как будто опасался, что меня будет мучить совесть, и хотел успокоить.

— И ты вот так легко можешь от меня отказаться?! — только и смогла произнести я.

— Отказаться? — удивился он. — Я никогда не считал тебя своей собственностью. У меня вообще нет собственности, и я тебе много раз говорил об этом. У нас на планете не принято...

Я грубо оборвала его, потому что боялась, что если он продолжит, то я просто сойду с ума.

— Да замолчи! Я не хочу больше слушать твои сказки! — Александро же, напротив, был очень спокоен:

— За что ты на меня сердишься? Ты сделала свой выбор, и я его принимаю, — да..., на самом деле, это был логичный и вполне обоснованный ответ.

Боже, какая я была дура! Мне безумно нравилось и льстило то, что я свела с ума двадцатисемилетнего красавца. Именно так мне тогда и казалось. Иногда я даже тайком крутилась перед зеркалом и самодовольно приговаривала: «А ведь хороша! На самом деле хороша! Ну, мало кто может сравниться со мною!». И вдруг три с половиной миллиарда конкуренток! «Да разве я им чета?! Что он себе такое позволяет?! Мальчишка! Гадкий, дурной мальчишка!» — кипело у меня внутри. И все же, как я могла сделать это?!... Видимо произошло какое-то помутнение рассудка.

Я смотрела, как он пил отравленное вино и улыбался, пил, зная, что в бокале яд! Что, что он думал обо мне в те мгновения. Наверное, ненавидел и презирал. Нет, зачем я лгу: в нем не могли поселиться такие чувства, в его автопортрете в детской не было ни одного темного пятнышка, и он не был лжецом. Скорее всего, ему было просто меня жаль. Он выпил бокал до дна. Я была просто в каком-то параличе, сердце готово было остановиться. Если бы телефонный звонок не вывел меня из оцепенения, то я бы, наверное, просто умерла. Я с трудом взяла трубку и, держась за стенку, практически уползла в спальню. Звонил муж, он сообщал, что ему придется задержаться еще на пару дней. Конечно, он сразу заметил, что со мной неладное, и спросил, что случилось и чем я так расстроена. Чтобы он ничего не заподозрил, мне пришлось соврать, что все это оттого, что я по нему очень скучаю. Он начал меня успокаивать, говорить о том, как сильно меня любит, но от этого мне стало еще хуже. Я буквально рыдала в трубку, рыдала от обиды и отчаянья. Но изворотливый мозг диктовал слова, которые должна была говорить умная женщина, застигнутая врасплох: «Приезжай, приезжай скорее! Больше никогда не оставляй меня так надолго одну! Мне плохо, мне очень плохо без тебя!»... Когда я положила трубку и вышла из спальни, Александро уже не было. Я поняла, что он слышал весь разговор. Все поплыло перед моими глазами, и я упала без чувств.

Когда я очнулась, была глубокая ночь. Я взглянула на себя в зеркало и просто ужаснулась: лицо было такое, словно меня неделю пытали в каких-то застенках. «Идиотка! С чего ты так расстроилась?!» — успокаивала я себя: «Ведь ты бы все равно не бросила мужа. Он сильный, надежный, он умеет жить, знает выход из любой ситуации, с

ним ты, как за каменной стеной. А этот мальчишка?! Трепач! Зачем он тебе?! Ну, это было прекрасное приключение, не более того. У всех такое бывает. Вспомни, многие твои подруги рассказывали подобные истории и не испытывали никакого сожаления, что они закончились. Глупая, он бесшабашный мальчишка не готовый к серьезным отношениям, да, в конце концов, он безработный! Ты бы просто с ним погибла. Как можно было даже подумать променять на него спокойную, размеренную жизнь?!» Я открыла бар и достала одну из красивых бутылок. Я пила дорогой коньяк, но не ощущала его вкуса, казалось, что он тут же вытекал из глаз горькими слезами. Я металась по дому и не могла найти себе места, пока, наконец, ни оказалась в детской. «Вот он мой Александро». Я обнимала нарисованные на стенах цветы и деревья, целовала птиц. «Ты со мной, ты снова здесь» — шептали мои губы. Я притащила из спальни одеяло и подушку, бросила их на пол детской и без сил рухнула сверху.

Вернувшийся через два дня муж застал меня на этом же месте. Он очень старался быть деликатным и даже не стал говорить, как я ужасно выгляжу, не спросил, почему я лежу здесь на полу. Напротив, он похвалил, как я красиво оформила детскую, пытался успокоить меня. Он говорил, что моя депрессия, наверняка, связана с тем, что у нас нет детей, и что напрасно мы с этим тянули. Я соглашалась, пытаюсь улыбаться. «Тогда давай исправим эту ошибку прямо сейчас!» — с наигранной веселостью предложил он. Похоже, ему казалось, что это лучший выход из сложившейся ситуации. Он начал быстро раздеваться: скинул рубашку, майку и, запутавшись в штанах, упал, чуть ни придавив меня. Он весь дышал нетерпением голодного самца, дорвавшегося до сладкого после длительного воздержания. Мне стало не по себе, я отвернула лицо, и мои глаза вдруг встретились с глазами Александро: два ярких солнца, изображенных на стене словно следили за всем происходящим. Я не могла, просто была не в состоянии заниматься любовью с мужем в его присутствии. Он был везде, куда бы я ни повернула голову. У меня было ощущение, что меня насилуют прямо в его присутствии, и как и подобает в таких случаях, я стала бешено сопротивляться. Муж просто опешил. Я помню его окровавленное лицо. Боже, хорошо, что я не выцарапала тогда ему глаза... Стоит ли удивляться, что теперь я здесь?

Как я ненавижу этих людей, как мне противны их визиты. Они не добрые, хотя все время улыбаются. Я давно поняла, что они охотятся за ним. Сначала они пытались выведать, куда он мог уйти. Теперь же они хотят внушить мне, что его вовсе не было, что это лишь плод моего воображения, связанный с сексуальной неудовлетворенностью и нервным расстройством. Я понимаю, что влипла в какую-то очень серьезную историю, в которой Александро является главной фигурой. Теперь я уверена, что он вовсе не врал тогда про свою планету, именно поэтому эти мерзкие люди и пытаются его найти. Я буду стараться сделать все, чтобы им помешать. Если они найдут его, то непременно убьют, я вижу это по их глазам. Я им сказала, что Александро улетел так высоко, что им никогда до него не дотянуться. Я ведь - сумасшедшая, мне можно такое говорить.

Однажды мы гуляли с ним по парку, и я сказала:

— Смотри, как много птиц, жаль, что они здесь не поют по вечерам, — он улыбнулся и пообещал, что это можно исправить.

— Давай попробуй, — съехидничала я. И он, словно играющий ребенок, начал, присвистывая, вприпрыжку бегать между деревьями, смешно размахивая руками. Я не знаю, что произошло, но птицы устроили настоящий концерт. Когда я спросила, как это ему удалось, он просто ответил:

— Договорился.

***

На стареньком магнитофоне, стоящем на краю кухонного стола, сработал автостоп.

— Как быстро летит время... — с грустной улыбкой произнес сухощавый старик, обращаясь к цветущему мужчине средних лет. — Когда эта кассета попала в мои руки, я был молод и красив, как ты.

— Тебе не пора принять лекарство, отец?

— погоди. Что ты скажешь об этой записи? Впечатлило?

— Если честно, я не понимаю, почему яд на него не подействовал.

— Наверное, он договорился.

— С ядом?

— Нет, с вином и оно его обезвредило. Ведь умел же он договариваться с птицами.

— Отец, с годами ты все больше и больше становишься сентиментальным сказочником.

— Я когда-нибудь бросал слова на ветер? — немного раздраженно произнес Джо.

— Ну, прости, пожалуйста, я вовсе не хотел тебя обидеть.

— Этот Александр был такой необычный, думаю, он вполне мог сделать то, о чем я сказал.

— Обезвредить отравленное вино?

— Да... Ты ведь знаешь, где я работал. Мне приходилось напрямую сталкиваться с подобными явлениями.

— Ты раньше никогда об этом не рассказывал.

— Раньше я был моложе и осторожнее. Ладно слушай... Наш отдел тогда входил в состав группы по изучению паранормальных способностей одного индийского йога, который, кроме всего прочего, без каких-либо последствий умудрялся пить раствор синильной кислоты.

— Но ведь это же сильнейший яд!

— Вот именно.

— И как же ему это удавалось?

— Он каким-то образом заставлял воду обезвреживать эту отраву. — Скептическая улыбка на лице Ричарда нисколько не смутила старика, и Джо продолжал: — У нас имелось много информации о том, что обычная вода это не вещество, а существо, но тогда мы в этом совершенно убедились. Под воздействием дьявольского взгляда этого йога, она почти мгновенно разлагала синильную кислоту на углекислый газ, воду и азот.

— Формула синильной кислоты HCN... Теоретически это возможно, но практически...

— Можешь не сомневаться, — перебил его Джо. — Наш лаборант все дотошно фиксировал. Углекислый газ, вода и азот! Так что даже экология не загрязнялась, просто атмосфера пополнялась своими обычными составляющими.

— Вот здорово! А что говорил об этом сам йог?

- Он сказал, что они с водой - друзья, и он просто ее просил ему помочь.
- Интересно...
- Еще и как! Но ведь на кассете было еще куда более интересное. Разве ты не заметил?
- Ты имеешь в виду сказки этого Александро?
- Напрасно ты так, это вовсе не сказки.
- Ты же знаешь, я не верю в инопланетян.
- Но в данном случае этот ее Александро говорил правду, — уверенно произнес Джо.
- И он что был пришельцем?
- Верно, пришельцем из другого мира... — на какое-то мгновение старик погрузился в свои воспоминания. — Мне теперь стыдно признаться, но я был один из тех, кого так ненавидела Элеонора и чьи визиты были ей так неприятны.
- Ее звали Элеонора?
- Элеонора Рассел. Я был один из тех, кто ее допрашивал, такая у меня тогда была работа. Нам было поручено выяснить, куда мог деваться Александро. Когда он от нее ушел, то буквально растворился, просто, как в воду канул. Вот такие дела...
- Я вижу, ты мне о чем-то хочешь рассказать, отец, но что-то тебя останавливает.
- Что меня теперь может останавливать? — с горькой усмешкой произнес старик. — Лекарства от онкологии еще не придумали, а уносить в могилу секреты, за которые тебе всю жизнь было стыдно, значит умереть трусом, а я этого не желаю.
- Джо хрипло откашлялся и продолжал:
- В середине тридцать пятого года появилась идея проверить коммунистические идеи на практике. В Америке зверствовал затянувшийся кризис, а экономика СССР развивалась такими быстрыми темпами, что это не могло не вызывать беспокойства в правительственных кругах. Трудно было предположить, чем закончится противостояние двух крупных политических систем. Было принято решение немного забежать вперед, так сказать, заглянуть в будущее.
- Каким это образом?
- На отдельной территории была воссоздана инфраструктура небольшого советского городка. Построены дома с типовыми квартирами, небольшие предприятия по производству стройматериалов, различной техники, бытового ширпотреба, ну, словом, всего необходимого для нормальной жизни. Территорию вокруг приспособили под сельскохозяйственные угодья.
- Ничего себе идея! Почему я впервые об этом слышу?
- Так ведь это же был секретный эксперимент.
- Оригинально! А где же набрали людей для проживания там? Заключение что ли согнали?
- Зачем? Это были годы великой депрессии, так что желающих вполне хватало. Многие едва сводили концы с концами и поэтому с удовольствием подписывали контракты: переселялись и поодиночке, и целыми семьями. Официально сообщалось, что они уезжают на заработки, в поисках лучшей жизни. Кандидатов набирали в основном из свежих эмигрантов или из тех, у кого не было близких родственников.
- И что на новом месте у них были хорошие заработки?

— Ты рассуждаешь как типичный американец. В том-то и вся фишка, что у них там не было денег. Ведь именно это и грозились в недалеком будущем сделать коммунисты. Я же говорю, что это был эксперимент, решили посмотреть, что из всего этого может получиться.

— И что же получилось?

— Ты кассету слушал? — немного раздраженно произнес Джо.

— Постой, постой! Я, кажется, догадался: этот Александро и был один из тех переселенцев.

— Не он, а его родители.

— И чем же все это закончилось?

— Результаты эксперимента не разглашались, но о них, как я сказал, можно судить по этой кассете. Мне лишь известно, что вся территория ушла под воду, как нам было объявлено, в результате аварии на шлюзах. Короче все погибли.

— Это что был какой-то остров?

— Типа того. Дай-ка лекарство, что-то мне нехорошо.

— Прости, отец, я вижу тебе тяжело об этом вспоминать.

— Да все нормально, — сказал Джо, запивая таблетку остывшим чаем. — Александро был единственным, кому удалось спастись. Поэтому его и искали спецслужбы.

— Как же ему это удалось?

— Семь человек, среди которых находился и он, были взяты для прохождения тестирования у психиатров в одной из здешних клиник. Думаю, он просто сбежал.

— На какой предмет их интересно тестировали?

— Видимо хотели посмотреть, как меняется психика человека в новых условиях обитания, — ответил с усмешкой Джо.

— Людей жалко... Ты думаешь, что там действительно произошла авария на шлюзах?

— Маловероятно. Скорее результаты этого эксперимента кого-то очень напугали. Не зря сразу после этого вялотекущая холодная война с Россией была подогрета гонкой вооружений. Думаю, ее навязали, чтобы подорвать экономику русских и помешать осуществлению их программы.

— Получилось?

— Надо полагать да.

— А откуда у тебя эта кассета?

— Когда Элеонору переводили в другую клинику, ей ничего не позволили взять с собой. Магнитофон вернули мужу, а одну кассету я просто сунул в карман. Я даже не догадывался, что там окажется эта запись. Мне просто захотелось дома послушать «Первый концерт Чайковского», я его очень любил... Кстати, этого Александро так и не удалось найти.

— А Элеонора?

— И об ее дальнейшей судьбе мне тоже ничего не известно.

— Грустная история.

— Знаешь, — задумчиво произнес старик. — Ты, перепиши эту кассету на какой-нибудь современный носитель. Пусть в мире живет сказка, пусть люди знают, что их жизнь это не

единственный и, наверное, далеко не самый лучший способ человеческого существования.